

Леонтьева Ксения Ивановна

**ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД КАК ВАРИАНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА
В ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА**

Интегративный дискурсивный подход (семиотика перевода) обосновывается в качестве возможного варианта реализации в теории перевода программы антропоцентризма. Даётся характеристика перевода как системы деятельностей, как динамичной когнитивно-коммуникативной интеракции сознаний (образов мира) личностей, моделирование которой возможно в рамках конструкции переводческого интердискурса. Дискурсивный подход легализует субъективность, смысловую девиантность, инференциальность, инновативность и адаптацию в качестве когнитивных универсалий перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 148-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Дрозд Н. В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 22 с.
5. Дружинина С. И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений современного русского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Орел, 2009. 22 с.
6. Кузнецов Д. В., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Варфоломеев А. Г. Проект электронной библиотеки поэтических текстов с теоретико-графовой формализацией синтаксической структуры // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: труды XV всероссийской научной конференции RCDL-2013 (Ярославль, 14-17 октября 2013 г.). Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 409-410.
7. Кузнецов Д. В., Лебедев А. А., Москин Н. Д., Варфоломеев А. Г. Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. 2013. № 6 (135). С. 113-118.
8. Москин Н. Д. Алгоритмы сравнения графов и теоретико-графовых моделей: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 84 с.
9. Помогаева Н. С. О трансформации сложноподчиненных предложений с присустановочными и атрибутивными придаточными и сложносоподчиненных предложений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 166-169.
10. Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 5. 664 с.
11. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 717 с.
12. Соколова Г. В. Бессоюзные сложные предложения: проблемы описания и обучения // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. С. 87-91.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
14. Шульскис С. А. Диффузность семантики и структуры в сложном предложении при устной форме его реализации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 29. С. 77-90.

THE PROBLEM OF ANALYSIS OF AMBIGUITY OF COMPLEX SENTENCE PARSE

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich

Moskin Nikolai Dmitrievich, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor

Varfolomeev Aleksei Gennad'evich, Ph. D. in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor

Petrozavodsk State University

perevodchik88@yandex.ru; moskin@karelia.ru; avarf@petrsu.ru

The article deals with the problems associated with the analysis of the ambiguity of parsing the poetic texts (by the example of the works by J. Brodsky and P. A. Vyazemsky). The authors describe the types of these ambiguities and the ways of modeling the sentences parse, using the theoretical graph models for their subsequent analysis, and propose the ambiguity factor of parsing the texts.

Key words and phrases: poetic syntax; complex sentence; J. Brodsky; P. A. Vyazemsky; model; graph; ambiguity factor of parse.

УДК 81'25

Интегративный дискурсивный подход (семиотика перевода) обосновывается в качестве возможного варианта реализации в теории перевода программы антропоцентризма. Дается характеристика перевода как системы деятельностей, как динамичной когнитивно-коммуникативной интеракции сознаний (образов мира) личностей, моделирование которой возможно в рамках конструкции переводческого интердискурса. Дискурсивный подход легализует субъективность, смысловую девиантность, инференциальность, инновативность и адаптацию в качестве когнитивных универсалий перевода.

Ключевые слова и фразы: антропоцентризм; семиотика перевода; переводческий интердискурс; субъективность; образ мира; интерпретация; дискурсивная среда.

Леонтьева Ксения Ивановна, к. филол. н.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

kseija_leontieva@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД КАК ВАРИАНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте») в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина.

На современном этапе теорией перевода накоплен огромный массив знаний. Однако их применение при обучении переводу и в реальной переводческой деятельности сводится к минимуму: здесь «правит бал» не столько теоретически фундированный анализ, сколько скорее интуитивная эвристика. В результате качество многих продуктов этой деятельности оставляет желать лучшего, что, однако, не лишает их статуса «перевод», в котором они реально функционируют в системе культуры.

Беда российской теории перевода (именно российской, поскольку на западе ситуация уже давно обстоит иначе) видится в том, что она, следуя за когнитивной лингвистикой и психолингвистикой и развиваясь в традиции деятельностной онтологии, безусловно, выходит за рамки привычной теории текста в теорию текстопостроения и -рецепции, т.е. в теорию дискурса, но при этом постоянно «оглядывается назад» (на теорию текста), по инерции привязывая творческую активность переводчика к *авторской* интенции и *внутри*текстовым феноменам, пусть и в самом широком контексте (с позиции категории интертекстуальности). Между тем, *реальная* единица перевода – это не единица текстовой структуры и даже не цельный текст. Это «решение на перевод» [19, с. 152], которое представляет собой не что иное, как актуализацию *переводческой* (не авторской) интенции в единстве трёх слагающих эту интенцию уровней – когнитивного, лингвосемантического и вербального [18, с. 102], со всеми вытекающими отсюда практическими следствиями. Теоретическая легализация подобной субъективности в качестве *естественного* параметра семиотических процедур, опосредующих перевод как систему деятельностей (ср. классическая максима «невидимости» некоторого «идеального» переводчика), может дать переводчику *по-настоящему* эффективный и гибкий инструмент поиска и выбора стратегий и тактик и тем самым сократить явный «эпистемологический разрыв» [Там же, с. 99] между теорией, дидактикой и практикой перевода.

Иными словами, назрела необходимость создания теории перевода с истинно «человеческим лицом», антропоориентированность которой бы не просто декларировалась, а действительно реализовывалась. С нашей точки зрения, это возможно в рамках программы теории и шире семиотики дискурса. **Семиотика перевода** как семиотика дискурса – это тот интегративный вариант теории перевода, который в центр анализа помещает субъекта как уникальную личность (субъектный принцип реализации переводческой деятельности и порождения текста-перевода), тем самым органически встраивая теорию перевода в систему трансдисциплинарного *человекознания* (Б. Г. Ананьев [2]) или *человековедения* (В. фон Гумбольдт [7]). Это вариант той теории перевода, в которой возможно изучение перевода как системы деятельностей, с учётом триединства языка, мира и человека, при этом человека именно как *личности*, т.е. в единстве всех его разносторонних связей и уникальных свойств [7, с. 348, 377]. Язык здесь понимается опять же как язык именно *личности*, т.е. как индивидуальный язык в духе идей И. А. Бодуэна де Куртене [5]. Подобный подход, в свою очередь, требует аналитического единства синтактики, семантики и прагматики, с приоритетом последней [10, с. 14, 29], поскольку вне интерпретирующего сознания человека как «сознания-образа», овеществляемого в «сознании-деятельности» [14], мир в любом его проявлении (будь то объективная реальность, либо виртуальная художественная реальность) представляет собой лишь некий субстрат (У. Матурана [12]).

Фактически при подобном подходе семантика становится неотделимой от прагматики, что отвечает тенденциям современной когнитивной лингвистики и психолингвистики. Однако мы намеренно говорим именно о семиотике, а не лингвистике перевода, поскольку как интегративная теория она выходит за рамки современной парадигмы лингвистики и филологии в целом, синтезируя данные любых наук, изучающих человека, которые могут быть полезны для моделирования перевода. В первую очередь, это психология (включая теорию познания, теорию сознания, теорию личности, теорию деятельности, теорию мышления, теорию внимания, социальную психологию, нейропсихологию, этнопсихологию), философия (включая феноменологию и герменевтику, философию познания, философию сознания и философию языка), социология, культурная антропология и культурология. Методологическую базу и вектор научного поиска семиотики перевода задают ключевые принципы современного социо-гуманитарного знания и человековедения в целом: антропоцентризм (коммуникатороцентризм, персонализм), интерпреционизм (конструктивизм, психологизм), интеракционизм (диалогизм) и динамизм (нонэссенциализм), а также воплощённость и распределённость познания и сознания, обусловленные их интерпретирующей деятельностной природой.

Непосредственно категория дискурса продуктивна для теории перевода уже хотя бы потому, что позволяет исследовать все существующие в культуре переводы как особый тип текстов, онтологически и физически (с точки зрения эстетики и поэтики / стилистики) отличных от продуктов национальной литературы и, соответственно, занимающих в текстовой решетке и литературной системе принимающей культуры особое место. Это очевидно, как вполне очевидна и важность анализа специфики дискурса переводов в сравнении со спецификой произведений национальной литературы. Подобный анализ позволяет выявить возможные когнитивные предпосылки адаптивного (по факту – интерпретативного и во многом манипулятивного) вмешательства переводчика при реализации своей функциональной роли «посредник-медиатор». В частности, в результате корпусных исследований, достаточно давно ведущихся в рамках западной парадигмы переводоведения, уже выявлен ряд «законов», «норм», «универсалий» перевода (см., например, [27]).

В данном случае речь идёт о дискурсе как совокупности текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят особой социально-культурной практики [23]. Перевод, безусловно, является подобной особой социально-культурной практикой, реализующейся в *единстве* множества нераздельных и одновременно неслиянных онтологий:

1) *деятельностной* (перевод как интерпретирующая речемыслительная деятельность индивида, реализующаяся во взаимодействии со средой, её процесс, результат / продукт, субъект, объект, средства, мотив, цель, среда);

2) *культурообразующей* (перевод как социокультурная практика, как форма познания иной культуры и средство трансляции социокультурных знаний, смыслов и ценностей; текст как продукт деятельности представителя конкретной культуры и определённых субкультур);

3) *функциональной* (перевод как форма межкультурного и социального посредничества, как средство глобализации, как способ манипуляции, воздействия, как средство социальной и политической борьбы);

4) *языковой* (перевод как межъязыковое преобразование; язык следует понимать опять же, как индивидуальный язык в духе И. А. Бодуэна де Куртенэ).

Деятельностная онтология, безусловно, является базовой, и все иные онтологии через язык опосредуются в системе деятельностей, в которой деятельность переводчика – лишь один из элементов, пусть и системообразующий.

Аналитический конструкт дискурса продуктивен и для моделирования перевода как подобной системы деятельностей: он позволяет исследовать художественный перевод как форму (формат) когниции и коммуникации, как средство общения (взаимодействия, интеракции) людей, а через них – и культур. Подобная трактовка перевода предполагает параллельный учёт трёх базовых факторов – «средств», «общения» и «людей» (параметры дискурс-анализа), при приоритете фактора «общения» [17]. Здесь мы, вслед за В. А. Миловидовым, опираемся на тезис Л. Н. Толстого «Искусство есть одно из средств общения людей между собой» [21, с. 37]. То, что художественный перевод – искусство, очевидно. Поскольку конструкт «дискурс» предполагает моделирование *динамики* процедур тексто- и смыслокреации и -рецепции, он прекрасным образом позволяет концептуализировать фактор «общения» – как диалогическую коммуникативно-когнитивную интеракцию на поле «тела» текста / текстовой матрицы (фактор «средств») субъектов (фактор «людей») соответствующих фаз дискурсивной динамики (динамику обуславливает «зазор», толстовское «между»), а ещё точнее интеракцию их сознаний, что предполагает интериоризацию контекста и выход на когнитивный уровень – в гипертекст знаний, составляющих содержание образа мира каждого из взаимодействующих на поле перевода субъектов.

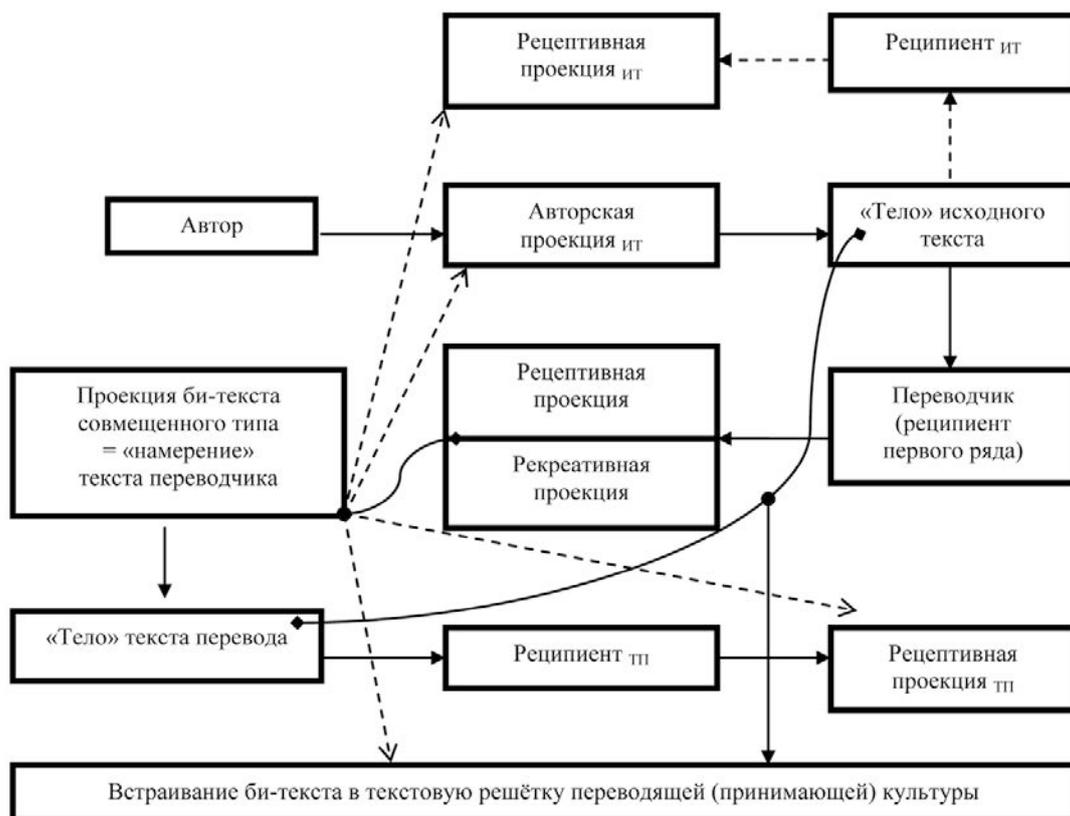
При этом вместо традиционной категории «контекст» мы предлагаем использовать категорию «*дискурсивная среда*». Словообразовательная модель термина «контекст» презюмирует «текст» в качестве основного объекта исследования. При предлагаемом нами метаязыковом оформлении основным объектом исследования, напротив, становится дискурс, а «телу» текста отводится лишь второстепенная роль: в креативной фазе роль дискурса в «сухом остатке» [11, с. 192], результата его «затвердевания» [4, с. 53], а в рецептивной фазе – роль «матрицы рецептивного смыслообразования» [17, с. 14], роль триггера (аттрактора), запускающего процедуры поиска опор для навигации по гипертексту знаний и выхода на личностный образ мира. За счёт этого в фокусе внимания оказывается не объект и одновременно результат (продукт) переводческой деятельности – текст (что опять же имплицитно термин «контекст»), а *личность субъекта*, деятельность которого реализуется в пространстве и под действием дискурсивной среды. Это автоматически ставит во главу угла *субъектный принцип* порождения текста-перевода.

Трактовка перевода как коммуникативного взаимодействия *личностей*, в свою очередь, не позволяет рассматривать деятельность переводчика как качественно вторичную. В таком случае основу деятельности переводчика должен составлять текст, что в некотором роде, конечно же, верно: исходный текст (ИТ) действительно онтологически первичен. Однако это продукт деятельности иного субъекта (автора), и в деятельности переводчика он выступает лишь объектом интерпретации, но не основой. Основой, как и в случае любой иной деятельности, будет сознание переводчика, интерпретирующее и конструирующее реальность (в том числе художественную) на базе текстовой матрицы. Привязываясь же к тексту, исследователь автоматически «залипает» (в терминах психологии) на содержательности исходного текста и авторской интенции, тогда как в соответствии с принципом интерпретиционизма (конструктивизма), текст / знак без интерпретирующего его субъекта – не более чем «мертвый», не имеющий никакого смысла (как имманентного атрибута) материальный артефакт («тело» текста / знака в терминах психолингвистики). Безусловно, языковые категории обладают определённым интерпретирующим потенциалом, однако поскольку ключевым свойством интерпретации как метаязыковой функции и как универсального механизма когнитивной деятельности, является субъективность (см. [6]), истинную функцию носителя смыслов и значений как «живого» знания [9] выполняет не знак, а интерпретирующее, осмысливающее его сознание. Иными словами, содержательности оригинала объективно не существует – её каждый раз конструирует в своём сознании переводчик, интерпретируя, «проживая» и «переживая» «мир» текста с позиции «для меня – здесь – сейчас» [9; 17]. И знак здесь – лишь средство поиска опор для выхода на личностный образ мира, составляющий интерпретирующую базу [6] в процессе реализации любой деятельности. Авторская интенция – также, в сущности, иллюзорный конструкт. В действительности можно говорить лишь об инференциальной гипотезе относительной этой интенции, которую также конструирует в своём сознании переводчик и которая может быть объективно верифицирована лишь в случае авторизованного перевода.

Таким образом, семиотика дискурса заставляет нас рассматривать перевод как деятельность, что само по себе не ново, но уже с позиции парадигмы «*живого знания*», т.е. как деятельность *активной и пристрастной личности*, в *единстве* индивидуального и социального, ментального, чувственного и телесного, во *взаимодействии* со средой, которое опосредует *образ мира* – достояние этой личности. А поскольку этот образ мира, как и дискурсивная среда, которую он интериоризует, качественно уникальны, перевод как интерпретирующая деятельность не просто вариативен. В той или иной степени он неизменно *девиантен* относительно авторской программы этой деятельности, поскольку процесс интерпретации опосредует уникальный для каждой личности образ мира. *Смысловую девиантность* усиливает *инференциальность* переводческой проекции авторской содержательной программы. В результате, независимо от качества, любой перевод в той или иной степени неверен и, следовательно, *инновативен* [25]. Инновативность предполагает неизбежную смысловую трансформацию текста на уровне схем смыслообразования, а через неё и формальную трансформацию на уровне фиксирующих смыслообразовательные процедуры текстовых схем, что обусловлено *уникальным*, а не производным от исходного кода характером переводческого семиозиса, который в свою очередь является

проявлением субъективности как сущностного свойства когнитивного механизма интерпретации (см. [6]). В случае *умеренной инновативности* трансформация в определенной степени сдерживается параметрами матричных кодов – исходного (схемы исходного текста) и/или целевого (узусальные художественно-эстетические модели и когнитивные стереотипы переводящей культуры как коллективное знание, интериоризованное образом мира переводчика). При *радикальной инновативности* трансформируются параметры обоих матричных кодов: это предельно идиосинкратизированные переводы, приближающиеся к оригинальной лингвокреативной деятельности (переводы, которые в традиционной теории перевода принято квалифицировать как адаптации, вольные переложения, имитации и т.п.).

Указанные свойства (девиантность, инференциальность, инновативность) как когнитивные универсалии выступают материальным проявлением интерпретирующей природы переводческой деятельности и составляют инструменты вариативности перевода, обусловленной *субъектным принципом* реализации переводческой деятельности и формирования текста-перевода (ТП). При этом в силу своей универсальности, помимо виртуальной интеракции автора и переводчика они работают также в отношении реципиента, при его взаимодействии с матрицей текста-перевода. По этой причине при моделировании перевода необходим выход на образ мира не только переводчика, но *всех* субъектов (ролей), вовлечённых в событие (акт) перевода как систему деятельностного когнитивно-коммуникативного взаимодействия. Подобное моделирование возможно в рамках *конструкции переводческого интердискурса* (схема 1). Как расширенный вариант классической схемы дискурса [8, с. 325], он также формируется как многочленная конструкция. Но здесь уже не один, а два текста как единый *би-текст* существуют в поле динамического взаимодействия трех фаз дискурсивной динамики – креативной, рекреативной и рецептивной. Коммуникация (интеракция) субъектов в каждой фазе опосредуется уникальным набором факторов дискурсивной среды (лингвистических, прагматических, социокультурных, психологических, идеологических, ценностных, исторических, гендерных и т.д.). Каждый из них за счёт интериоризации и встраивания в сознание (образ мира) налагает отпечаток на характер производства и рецепции текстов, на смысловые предпосылки и последствия их осмысления каждым новым субъектом.

В *креативной фазе* автор, используя конкретные стратегии организации текстовых средств (функционально содержательная, «органическая» форма), закладывает в текстовую матрицу опоры для актуализации некоторой «образцовой» программы тексто- и смыслорецепции (в сознании реципиентов исходного текста, в пространстве исходной культуры), в рамках которой, с его точки зрения, возможна минимальная смысловая девиация, т.е. максимально полное совпадение интенциональных и рецептивных смыслов.

Фазу интердискурса, соотносимую с рецептивно-(ре)креативной деятельностью переводчика, можно именовать *рекреативной*, однако, переводчик пересоздает (рекреация) средствами языка перевода не текст, не авторскую интенцию и его содержательную программу (её «образцовый» вариант), не имманентно присущий тексту смысл, а сконструированную и освоенную непосредственно им *самим* содержательность.

«Расклеить» в рамках рекреативной фазы стадии речевосприятия и речепорождения едва ли возможно в силу их «челночного» характера. Следовательно, исходный текст и текст-перевод в рекреативной фазе функционируют *параллельно* в двух культурно-семиотических измерениях *единого* коммуникативного универсума схемы интердискурса как единое целое – *би-текст* [26].

Переводческая проекция (концепт) би-текста может быть обозначена как «*намерение текста переводчика*». В основу данной категории положено понятие «текст переводчика» [1], в котором (пере)опредмечиваются лишь те смыслы, которые актуализировал на базе матрицы исходного текста переводчик. Как видно, категория «текст переводчика» Л. М. Алексеевой автоматически легализует некоторую девиантность. Однако при этом учитывается интеракция только двух субъектов (ролей) события (акта) перевода как системы деятельностей – фигуры «автор» и «переводчика», тогда как наш вариант, ориентированный на терминологическую метафору «намерение текста» У. Эко [24], позволяет при моделировании учитывать и рецептивную деятельность. «*Намерение текста*» / *intentio operis* – это все смысловые потенции, которые, с учётом присущей «телу» знака дискурсивной неопределенности и смысловой множественности, *непреднамеренно (неосознанно)* зафиксированы автором в «теле» текста и потенциально могут быть актуализированы представителем конкретной лингвокультуры в конкретный исторический период. *Intentio operis* не совпадает ни с интенциональной авторской содержательностью, ни с вариативными рецептивными проекциями. Это «то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился» [Там же, с. 16].

Безусловно, терминологическая метафора «намерение текста» в некоторой степени противоречит последовательному антропоцентризму, развиваемому в настоящей статье: конечно же, какое бы то ни было «намерение» может быть только у дискурсанта, но не у текста. В частности, в креативной фазе сам автор целенаправленно фиксирует свои намерения в «теле» текста с необходимой неточностью, оставляя реципиенту возможность варьировать интерпретации, и подобная *намеренная неточность* составляет неотъемлемую часть авторской эстетической программы. Однако ряд смыслов фиксируется в «теле» текста непреднамеренно: в случае неактуализированных самим автором (нерелевантных в контексте его образа мира), либо вообще неактуальных на момент создания текста (ни для автора, ни для реципиента) смысловых потенций того или иного языкового знака. В этом отношении даже авторская интенциональность в креативной фазе неизбежно предполагает некоторую неопределенность: автор, включая те или иные знаки в «тело» текста, непреднамеренным и неосознаваемым образом фиксирует в нем ряд непредусмотренных его собственной содержательной программой потенций, что создает иллюзию наличия у текста некоторой имманентной воли – некоторого «намерения». Мы предлагаем использовать понятие ««намерение» текста» именно в такой трактовке.

«Намерение» текста – это фактор, позволяющий определенным образом сдерживать, ограничивать диапазон вариативных и равновозможных рецептивных идиопроекций одного и того же «тела» текста, не дезавуируя при этом феномен вариативности интерпретации. Данная терминологическая метафора соотносима с классическими категориями «коридор интерпретации / понимания», «интерпретационный / интерпретативный диапазон». За границами данного понятия, вероятно, следует говорить о неадекватном понимании или полном непонимании. Однако, поскольку дискурс как коммуникативное событие, включающее производство и восприятие сообщения, сам по себе является свидетельством *успешной* коммуникации [22, с. 146], успешным будет считаться и тот акт перевода (как коммуникативный акт), в ходе которого произошло значительное приращение и / или, напротив, редукция смыслов. Иными словами, категория «дискурс» презюмирует *любую* дискурсивную интеракцию субъектов на поле текстовой матрицы в качестве успешной, независимо от степени сингармонизма авторской и переводческой проекций «тела» текста (и, соответственно, степени эквивалентности / адекватности исходного текста и текста-перевода, вербализующих эти проекции / программы). Данный момент для теории перевода имеет критическое значение: в таком случае категория «радикальная инновативность» позволяет включать в анализ те переводы, которые традиционно либо заведомо вообще исключаются из корпуса исследуемого материала, либо анализируются исключительно на предмет потерь и несоответствий, т.е. в заведомо негативном ключе – как «неадекватные», «неверные», «неточные» и т.п., хотя это реальные факты принимающей культуры, функционирующие в ней именно как переводы, и их оценочно нейтральный анализ позволяет сделать крайне интересные выводы относительно когнитивной специфики переводческой деятельности (см., например, [15]). Кроме того, подобная негативная квалификация предполагает наличие какого-то эталона, относительно которого устанавливается верность, точность, адекватность, что само по себе противоречит взаимообусловленным принципам субъективности и вариативности интерпретации.

«*Намерение*» текста переводчика – это идиопроекция «намерения» исходного текста, впоследствии с намеренной неточностью (подобно авторской намеренной неточности, о которой речь шла выше) зафиксированная переводчиком в «теле» текста перевода, в той или иной степени неизменно отличная от истинного *intentio operis* обоих текстов (как единого би-текста), актуального в культурно-семиотическом универсуме соответствующей культуры на конкретном историческом срезе. В терминах психолингвистики это *проекция совмещенного типа* [20], предполагающая конструирование не только гипотетической авторской проекции (инвариантное смысловое ядро и примыкающая к нему зона периферийных смыслов), но и просчёт потенциально равновозможных (при разном наборе условий) вариантов рецептивных проекций (маргинальная зона и дальние периферийные смысловые зоны), причём параллельно в двух рецептивных средах. Особую роль здесь играют такие специфические механизмы смыслоусмотрения, как интертекстуальность и интердискурсивность, инференция и абдукция.

Наконец, поскольку перевод становится текстом принимающей культуры лишь в случае его полноценной рецепции данной культурой, схема переводческого интердискурса, подобно классической пятичленной схеме

дискурсивной динамики, должна включать *рецептивную фазу*, в рамках которой указанная рецепция и будет осуществляться. Однако, в отличие от классической схемы, в случае перевода она не завершается формированием читательской проекции, а предполагает полноценное встраивание перевода в текстовую решётку принимающей культуры и также должна быть расширена. Полноценный учёт последней стадии позволяет объяснить и в некотором роде оправдать использованные переводчиком адаптивные техники и тактики, выявить причины и последствия его манипулятивного вмешательства, установить объективно допустимые пределы адаптации (случаи, когда адаптивное вмешательство можно считать мотивированным). Адаптацию, которая реализуется в формате нормализации / аккультурации (осознанной и неосознанной), также можно считать когнитивной универсалией перевода, что обусловлено феноменом когнитивного диссонанса.

Отдельно подчеркнём, что мы предлагаем рассматривать перевод как *интердискурсивную*, а не просто дискурсивную практику. Именно категория «интердискурсивность» позволяет одновременно учитывать ключевые онтологические ипостаси события перевода – лингвокогнитивную (интерпретирующая речемыслительность сознания), коммуникативную (интеракция субъектов), культурологическую (функционирование в культуре). Во-первых, в процессе деятельности в сознании переводчика происходит регулярное переключение именно интердискурсивного типа, а именно между:

1) мысленно проецируемым авторским и собственным дискурсом и организующими логику этих дискурсов тексто- и смыслообразовательными моделями, отражающими уникальность когнитивного стиля, речевой организации и образа мира (в их нераздельности и неслиянности) автора и переводчика (*когнитивно-коммуникативная интеракция*);

2) двумя лингво- и социокультурными кодами, корпусами дискурсов (как типов текстов), социолектами, интертекстами и целыми дискурсивными формациями исходной и принимающей культур, аккумулирующими коллективное (социокультурное) знание, в процессе первичной и вторичной (языковой) концептуализации, категоризации и интерпретации пропущенное сквозь призму динамичного образа мира автора и переводчика как представителей конкретных лингвокультур и различных субкультур (*когнитивно-семиотическая интеракция*).

В рецептивной фазе также имеет место интердискурсивное переключение. Поскольку функция текста перевода – репрезентация исходного текста в иной культуре, для реципиента этот текст как артефакт «чужой» культуры по определению отражает «чужую» модель смысло- и текстопостроения, характерную для «чужого» дискурса, овнешвляющего «чужой» когнитивный стиль и «чужой» образ мира (автора и переводчика, фигуры которых в сознании реципиента едва ли разделимы), и, следовательно, транслирует культуруносные смыслы и коллективные знания и ценностные доминанты, значимые в контексте иной культуры.

Более того, термин «интердискурсивность» прекрасным образом отражает ассоциативную сущность рецептивного (в том числе переводческого) смыслообразования / смыслоусмотрения. Интердискурсивность – это не только стратегия смыслопорождения (дотекстовый уровень), предопределяющая процедуры текстопорождения (интертекстуальность) в креативной фазе, но и особый когнитивный механизм (стратегия) рецептивного смыслоусмотрения («чтение-письмо» Р. Барта [3] и Ю. Кристевой [13]), при котором функцией носителя текстовых смыслов наделяется реципиент [16; 22]. Это предполагает редукцию знака-символа до знака-индекса, его интерфейсное функционирование [6] в качестве средства запуска процедур поиска опор для навигации по гипертексту знаний, составляющих содержание образа мира – интерпретирующей базы, опосредующей любую деятельность.

В целом, представляется, что имплементация в курсы обучения переводу дискурсивного подхода, ориентированного на парадигму «живого знания» и субъектный принцип реализации переводческой деятельности и порождения текста-перевода, позволила бы реорганизовать пространство рефлексивноёмкой интерпретирующей деятельности переводчика не только в части предпереводческого анализа текста, но и в части осознания универсальных механизмов перевода, включая те, которые как неотъемлемый элемент когнитивного стиля достаточно часто реализуются в реальной переводческой практике в форме бессознательных (неосознаваемых) автоматических процессов и по этой причине не поддаются сознательному учёту, контролю, мониторингу. Теоретический курс, фундированный на положениях семиотики дискурса, через рефлексии мог бы способствовать постепенному выводу всех этих уникальных механизмов на «табло сознания», что, в свою очередь, способствовало бы сокращению явного «эпистемологического разрыва» [18], наметившегося между теорией, дидактикой и практикой перевода в рамках российской парадигмы на современном этапе.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Текст перевода и «текст переводчика» // Вестник ПермГУ. Сер. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2. С. 44-52.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
4. Богатырев А. А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. Тверь: ТвГУ, 2001. 197 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. М.: КРАСАНД, 2014. 320 с.
6. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
10. Зубкова Л. Г. Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 760 с.

11. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
12. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
13. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 653 с.
14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
15. Леонтьева К. И. Гендерные характеристики переводчика и их интерпретирующая роль в теории и практике художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 55-62.
16. Мельникова О. А. Интердискурсивность как коммуникативный феномен (на материале поздних альбомов Pink Floyd): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2004. 15 с.
17. Миловидов В. А. Назад в будущее: Ч. С. Пирс и семиотические основания теории литературно-художественного дискурса // Знак и символ. Znak I symbol: сб. науч. тр. Lodz: Universitet Lodzki; Тверь: ТвГУ, 2010. С. 6-16.
18. Миловидов В. А. Проблема минимальной единицы перевода в контексте теории дискурса // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2011. № 2. С. 99-105.
19. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
20. Мохамед Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: дисс. ... д. филол. н. Тверь, 2000. 346 с.
21. Толстой Л. Н. Что есть искусство? // Толстой Л. Н. Литература, искусство. М.: Современник, 1978. С. 30-152.
22. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.
23. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 54-61.
24. Эко У. Сказать почти то же самое. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
25. Frawley W. Prolegomenon to a Theory of Translation // The Translation Studies Reader / L. Venuti (ed.). London: Routledge, 2003. P. 250-263.
26. Harris V. Bi-text: A New Concept in Translation Theory // Language: Monthly and International Journal of Translation. 1988. Vol. 54. P. 8-10.
27. Laviosa S. Universals // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker (ed.). 2nd ed. London: Routledge, 2011. P. 306-313.

THE DISCURSIVE APPROACH AS THE VARIANT OF REALIZATION OF THE ANTHROPOCENTRIC AGENDA IN THE LITERARY TRANSLATION THEORY

Leont'eva Kseniya Ivanovna, Ph. D. in Philology
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
ksenja_leontieva@mail.ru

The integrative discursive approach (semiotics of translation) is grounded as the possible variant of realization of the anthropocentrism agenda in the translation theory. The author describes translation as the system of activities, the dynamic cognitive-communicative interaction of the individuals' consciousness (images of the world), the modeling of which is possible within the framework of the construction of translation interdiscourse. The discursive approach legalizes the subjectivity, meaning deviation, inferentiality, innovativeness and adaptation as cognitive universals of translation.

Key words and phrases: anthropocentrism; semiotics of translation; translation interdiscourse; subjectivity; image of the world; interpretation; discursive environment.

УДК 8; 80:811.351.33

Статья посвящена фразеологии рутульского языка, не подвергавшейся до сих пор специальному исследованию. Фразеология данного языка обнаруживает оригинальную систему миропонимания: соматические фразеологизмы демонстрируют особое языковое мышление, соотносящее чувства, мысли, желания, отношения с миром и обществом с определенными частями человеческого тела – вместилищами, средоточием абстрактных понятий.

Ключевые слова и фразы: рутульский язык; фразеология; соматические фразеологизмы; отражение образного миропонимания во фразеологии; абстрактное значение соматических фразеологизмов.

Махмудова Светлана Мусаевна, д. филол. н.
Дагестанский государственный университет
Rutulsveta@mail.ru

О ФИЛОСОФСКОЙ ОСНОВЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеология – это наиболее образный, непереводаемый, отражающий специфику народного мышления и менталитета пласт лексической системы языка, складывающийся веками и позволяющий высвечивать те грани языкового материала, которые, как яркие блёстки, проливают свет на особенности мышления того или иного народа, создавшего эти лексические бриллианты, количество которых в языке пропорционально уровню духовного развития народа.